

Старый консерваторский анекдот: «Сколько симфоний у Бетховена?» — спрашивает абитуриент. «Три», — отвечает тот не задумываясь. Третья, Пятая и Десятая». Байка, увы, почти достоверная: утрирую — названные симфонии Бетховена, три оперы и две симфонии Чайковского, его один фортепианный концерт, десять — пятнадцать романсов, две Венгерские рапсодии Листа и еще немного популярнейших сочинений — вот «обязательный ассортимент» исполнительского репертуара. Почему на таком нищенском пайке держат любителей музыки? В чем причины неистребимой повторяемости звучащих произведений? С этим я пришла к крупнейшему маэстро, кстати, не зараженному губительной для развития музыкальной культуры хворобой, к Евгению Федоровичу Светланову:

— Об этом прекрасно говорил в своей книге «Я — композитор» Артур Онеггер. О том, что исполнители играют одно и то же. Почему? Потому, что публика хочет слышать уже знакомое. И образуется некий порочный круг, из которого могут позволить себе выйти лишь единицы, не боящиеся риска. Процесс этот наблюдался во все времена, в разных странах и в разных условиях. Что касается нашей нынешней музыкальной жизни, к очень большому сожалению, исполнители, как правило, не брезгают повторять друг друга. Однако я хотел бы выделить два имени — Геннадия Рождественского и пианиста Николая Петрова. Каждый из них в своих программах обязательно преподносит слушателям очень интересные произведения, выбранные с огромным вкусом, с пониманием того, что они делают. Вполне одобряя такой путь, я, грешный, тоже пытался всю жизнь разнообразить свой репертуар, чтобы как можно более широко познакомиться почитателей музыки, Большой Музыки, скажем так, хотя бы с нашей русской классикой и с советской. Однако в целом тенденция инертности очень упрочилась у нас. Как, между прочим, это наблюдается и во всем мире — идет глобальный процесс, конечно, не столь острый, как в нашей действительности.

— Вы рассматриваете явление

во всеобщем масштабе, а я думаю, вы сглаживаете острые углы: на нашей почве разного рода обстоятельства усугубили положение, предельно обострили ситуацию. Прекрасно помню ваш рассказ в книге о студенческих годах в институте им. Гнесиных, где приходилось выслушивать на лекциях по истории музыки «странные слова» по поводу сочинений Чайковского и Рахманинова — авторов, попавших в разряд «сентиментальных нытиков». А уж мои консерваторские воспоминания, когда мы тайно, запираясь в каких-то классах, пытались пополнить наши познания музыкальной литературы самостоятельным знакомством с изысканной начисто из учебных планов «репрессированной» музыкой. И по сей день мы, про-

надрывно, не крикливо, как это ныне принято. Просто сразил — чертовски одаренный человек!

— А помните, как его поносили, «уничтожали» за грубость, вульгарность, едва ли не за «растление вкусов» молодежи?

— Да уж что-то, а это у нас умеют классно — к слову о культуре, о деликатности, об уважении к творческому труду. Но вернемся к разговору о всеобщем «потопе». Он захлестнул нашу страну в годы так называемой «перестройки», когда все стало возможным, разрешенным, доступным. А ведь так же, как мы оказались не готовыми к демократии, так и не готовы к бурному наплыву ранее запрещенных, гонимых прежде «импортных» опусов. Ведь если вся эта продукция музыкальной индустрии

как поднять в стране музыкальную культуру и насоздавали множество совершенно маломощных коллективов, с «урезанными» составами, которые играли в основном для самих себя, для пап, мам и знакомых. Однако исправно получали государственные дотации.

— Ну вот, а теперь только в Москве двадцать или что-то вроде этого. И все они существуют. Каким образом — их личное дело: находятся спонсоры, средства, помощники. Существуют и борются за свои права, в частности на Большой зал. А он, бедный, у нас один — старый, изношенный. Он уже не может выдерживать такие нагрузки: и концерты, и записи «Мелодии» здесь происходят, и студенческий консерваторский оркестр работает. Так вот, естественно, конкурируя, эти ор-

приказ ему на Запад, ей — в другую сторону». На данный момент наш оркестр обеспечен хорошо (тьфу, тьфу, чтобы не сглазить!), отток временно прекратился, а на будущее гарантий никаких нет.

— К подобной «коммерциализации» жизни, сознания, отношения к профессии старому человеку, к тому же еще «карасю-идеалисту», наверно, невозможно привыкнуть. Куда девалось уважение к таланту, авторитету известного музыканта дирижера-руководителя? Ведь по большому счету, оркестр — обязательно сотрудничество единомышленников.

— Да, мне бывает очень грустно и даже больно, когда от меня уходит какой-то музыкант, словно мой организм утратил частицу. Ведь столько в каждого вложено и сил, и

оказываются доступны всем. Значит, мы размываем критерии, перестаем ощущать, где хорошо и где плохо, до какой степени это приемлемо или неприемлемо. Вот где катастрофа! В качестве любопытных иллюстраций к сказанному напомню, что Пласидо Доминго дирижирует оперными спектаклями. И еще интереснее, что среди коллег я могу назвать бывшего премьер-министра Великобритании Эдуарда Хита, который предпочитает за пультом партитуры Моцарта. Из наших премьеров, кажется, никто этим не грозит?

— Нет, пока они только в футбол играют.

— Ну что же, в качестве коды к разговору о наследии разрешу себе две информации: одна — положительная, другая — тревожная. В скором времени антология русской симфонической музыки в полном наборе выйдет в свет. На сегодняшний день выпущено около восьмидесяти компакт-дисков, осталось совсем немного. Я надеюсь, в этом, 1992 году она будет издана и пойдет на разные страны мира. Вторая информация — сигнал о грозящем бедствии: покупаются на последний очаг культуры на радио — канал «Орфей». Это может стать поистине государственным преступлением. Ряд деятелей искусства выступили в его защиту, написали письмо, организовали концерт-презентацию. Будем надеяться, что к нашим голосам протеста прислушаются. Однако даже тот факт, что в воздухе витает подобная проблема, показывает, до чего мы дошли, грабя наследие. Какой-то статистик посчитал, что за время «перестройки» в области культуры мы отошли на шестидесятые места. И это страна, которая дала миру такую музыку, таких исполнителей. И многие из них еще живы, и еще вполне работоспособны. Значит, святой долг наш — активно действовать. Не в разговорном жанре, не словами — тут они не помогут. Пусть словесами орудует большое количество людей, которые взяли их на вооружение. Оставим им это поле деятельности, а нам должно всемерно использовать средства художественного воздействия — это благостная и благородная наша миссия.

Беседу вела
М. ИГНАТЬЕВА.

Обязательный ассортимент

Культура. — 1992. — 23 мая — С. 9.

фессионалы, открываем для себя новое из прошлого культуры, а уж слушателям откуда знать, какие таятся в закромах сокровища классики. К этому еще общее снижение внимания, заботы о культуре. Интересно, вы сами это испытываете в творческой деятельности?

— Здесь я должен быть предельно осторожным и объективным. Как исполнитель-дирижер не могу пожаловаться — благодарен тем людям, которые посещают мои концерты уже на протяжении десятилетий. И зал на моих выступлениях всегда полон. Однако ваша постановка вопроса, к великому сожалению, весьма правомерна: падение интереса к классической музыке налицо. И причин тому несколько. Первая — хлынувший поток, а точнее, потоп легкой музыки: поп, рок и другой. Не думайте, что я ханжа, поучающий молодежь. Я люблю джаз, люблю легкую музыку, произведения любого жанра, но талантливые и хорошего вкуса. На днях я услышал Сашу Градского, и он меня покори — такие умные, острые, глубокие песни. И исполнял он их не

стрий адресована молодежи, на чем же мы ее воспитываем? Естественно, значительная часть наших слушателей, главным образом молодых, оказалась в гуще этого бурного движения, отвернувшись от классики. А могла бы и не отворачиваться, если бы дело было поставлено иначе.

— Ну как иначе, если система пропаганды музыки нынче превратилась в «систему» бессистемности. Нет координирующего центра, нет «регулирующих» общего движения — каждый сам себе хозяин и указчик. Что хочу, то и ворочу. Так что свобода действий привела к ералашу.

— Вы знаете, здесь именно истоки второй причины падения интереса к классике. У нас, совершенно странным образом началась невероятная конкуренция исполнителей, появившихся в Москве. Я подчеркиваю, именно в Москве. Мы поставили немыслимый мировой рекорд, имея двадцать симфонических оркестров в столице.

— Господи! А помните, еще совсем недавно на совещаниях, пленумах, съездах композиторов ломали головы над тем,

как поднять в стране музыкальную культуру и насоздавали множество совершенно маломощных коллективов, с «урезанными» составами, которые играли в основном для самих себя, для пап, мам и знакомых. Однако исправно получали государственные дотации.

— И еще в одном сказывается конкуренция — появились рыночные отношения: в каждом из двадцати коллективов своя цена музыканта. И начались перебежки — где побольше дадут. Раньше этим славилась эстрадные ансамбли: они создавались, распадались, отпочковывались исполнители и переходили к тому руководителю, у кого слава погромче, денег побольше, зарубежные поездки почаше. Теперь в симфонические коллективы пришла такая практика купли-продажи музыкантов. Базар в искусстве? Немыслимо!

— Да, вы абсолютно, на сто процентов правы. Это, конечно, наизнанку вывернутые рыночные понятия. И наш оркестр не миновала такая чаша — от нас тоже ушли исполнители разных профессий, к Плетневу большинство из них, но и еще кое-куда. Двигаются в разных направлениях, прямо по известной песне — «дан

стремлений, и душевных движений. Говорят, надо привыкнуть, я пока привыкнуть не могу. А пиетет к руководителю, к учителю — все это сегодня анахронизм, увы, для очень многих. Так что остается принять безропотно мудрость пословицы «рыба ищет где глубже, а человек — где лучше», не вдаваясь в философию, что понимать под словом «лучше».

— Любопытные сейчас процессы наблюдаются: множество оркестров породило, соответственно, обилие дирижеров. Все стали дирижерами.

— Для меня новость из серии «все стали дирижерами»: на днях по телевидению сообщили, что к профессиям Нуриева — танцовщика, хореографа прибавилась еще и дирижера. Не знаю, какое амплуа — балетное, оперное или симфоническое, во всяком случае стоит за пультом. Я перестал удивляться потому, что процесс этот необратим, точнее, пока необратим. Две профессии мне известных подверглись полной девальвации — режиссера (не только театра, а и кино) и дирижера. Они